

АЗБУКА-ФЭНТЕЗИ

КНИГИ ГЕНРИ ЛАЙОНА ОЛДИ:

ЦИКЛОП. Книга I. Чудовища были добры ко мне

ЦИКЛОП. Книга II. Король Камней

ДИКАРИ ОЙКУМЕНЫ. Книга I. Волчонок

ДИКАРИ ОЙКУМЕНЫ. Книга II. Волк

ДИКАРИ ОЙКУМЕНЫ. Книга III. Вожак

КРЕПОСТЬ ДУШИ МОЕЙ (вместе с А. Валентиновым)

ШЕРЛОК ХОЛМС ПРОТИВ МАРСИАН

ПУТЬ МЕЧА

ГЕРОЙ ДОЛЖЕН БЫТЬ ОДИН

МЕССИЯ ОЧИЩАЕТ ДИСК

ПОБЕГ НА РЫВОК. Книга I. Клинки Ойкумены

ПОБЕГ НА РЫВОК. Книга II. Призраки Ойкумены

ПОБЕГ НА РЫВОК. Книга III. Ангелы Ойкумены

МАГ В ЗАКОНЕ

ЛЕГЕНДЫ ДРЕВНЕГО ХЕНИНГА

СИЛЬНЫЕ. Книга I. Пленник железной горы

СИЛЬНЫЕ. Книга II. Черное сердце

СВЕТ МОЙ, ЗЕРКАЛЬЦЕ

БЕЗДНА ГОЛОДНЫХ ГЛАЗ

БЫК ИЗ МАШИНЫ

БЛУДНЫЙ СЫН, или Ойкумена: двадцать лет спустя.

Книга I. Отщепенец

КАБИРСКИЙ ЦИКЛ

БЛУДНЫЙ СЫН, или Ойкумена: двадцать лет спустя.

Книга II. Беглец

ЧЕРНЫЙ БАЛАМУТ

БЛУДНЫЙ СЫН, или Ойкумена: двадцать лет спустя.

Книга III. Сын Ветра

ОЙКУМЕНА: Кукольник. Куколка. Кукольных дел мастер

НЮАНСЕРЫ

КАРП И ДРАКОН. Книга I. Повести о карме

ГЕНРИ ЛАЙОН
ОЛДИ

КАРП И ДРАКОН

Книга I. Повести о карме

АЗБУКА
Санкт-Петербург

УДК 821.161.2
ББК 84(4Укр)-445
О 53

Серийное оформление Ильи Кучмы

Оформление обложки Сергея Шикина

Иллюстрации Александра Семякина

Иллюстрация на обложке Владимира Бондаря

- © Г. Л. Олди, 2019
- © А. В. Семякин, иллюстрации, 2019
- © В. О. Бондарь, иллюстрация на обложке, 2019
- © Оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

ISBN 978-5-389-17578-5

Та счастливая страна недалеко отсюда. Чтобы родиться в ней, нужно почитать и вскармливать отца и мать, служить наставникам, иметь сострадательное сознание, никого не убивать и совершать десять благих деяний.

Сутра о видении будды по имени Неизмеримое Долголетие

Пролог

— Славься, будда Амида...

Небо горело над монахом.

— О будда Амида, Океан Единства, я получаю прибежище в тебе, доверяя всем сердцем и умом твоему учению...

Небо горело над монахом, но сердце монаха горело жарче во сто крат. Если вырвать его, это сердце, кипящее от ненависти, и швырнуть на землю, оно сожгло бы мир дотла. Иногда, захлебываясь в бурлящем кипятке страстей, растворяясь в нем до потери личности, монах забывал, как его зовут.

Кóса, вспомнил он, возвращая себе ясность мыслей. В миру меня звали Коса. Это было давно, сейчас мое имя звучит так: Кэннё. Иногда, выказывая уважение, люди говорят: Хонган-дзи Кэннё, добавляя к имени название монастыря — обители, которую я, недостойный, возглавляю вот уже двадцать восемь лет.

О, храм Изначального Обета, великий Хонган-дзи в Исияма! Злосчастный Хонган-дзи! Железные пальцы твои сломаны, золотые глаза твои угасли. Два последних года я возглавляю монастырь, которого не существует. Лишь вороны кружатся в серых от скорби небесах. Лишь тощие лисы охотятся на мышей в черных развалинах.

— О Амида, единство жизни и света! Я обращаюсь к тебе и молю тебя о тех, кто живет в каждой части мира, рядом со мной и далеко от меня, и в сердце моем...

Сколько их, задохнулся Кэннэ. Кровь ударила монаха в голову, плечи согнулись под незримой тяжестью. Сколько вас, братья мои, кто отныне живет только в моем сердце?! Прах, пепел, горечь воспоминаний.

— ...рядом со мной и далеко от меня...

Три тысячи убитых в дружественном монастыре Энряку-дзи. Тридцать сотен мертвецов: мужчины, женщины, дети. Обритые головы расколоты боевыми молотами. Рясы цвета шафрана и корицы истыканы стрелами. Дым над руинами. Дым над горой Хиэй. Багровый дым, подсвеченный отблесками пожара. Торжествующий вой злых духов: сонмища их ринулись с северо-востока на склоны, утратившие молитвенную защиту. Рев самураев, пьяных от пролитой крови.

Триумф демона-повелителя Шестого неба, врага будды.

— ...и молю тебя о тех, кто живет в каждой части мира...

Двадцать тысяч сгоревших в Нагасиме. Блокада островных укреплений. Месяц без подвоза провианта. Осада, голод, штурм за штурмом. Падение замка Отори. Предложение сдать в обмен на беспрепятственное отступление в Хонган-дзи, где защитников Нагасимы уже ждали братья по вере. Ложь, чудовищная ложь — тех, кто поверил демону, перебили у открытых ворот. Последние две крепости стояли насмерть. Упрямец сожгли вместе со всеми, кто находился там.

Триумф демона-повелителя Шестого неба, врага будды.

Двенадцать тысяч зарезанных в Этидзэне. Сорок тысяч, проданных в рабство заморским варварам. Кровь, кровь, кровь. Ликование врага будды, пляшущего на костях. Это я назвал его врагом будды, вспомнил монах. Да, это сделал я. Я думал, это ослабит демона-повелителя, опозорит в глазах союзников, заставит их отвернуться. Я ошибся. Я сражался, как умел, вел войска и сыпал

проклятиями, но они ложились колосьями под серпом — монахи-воины, мои Прямодушные. Сотни, тысячи, десятки тысяч. В хорошие времена Прямодушные могли выставить в поле до двухсот тысяч бойцов, но это не спасло нас от разгрома. Я, священнослужитель, только и делал, что воевал. На молитвы у меня было мало времени.

Сейчас я беглец, а он победитель.

— О будда Амида, под твоей защитой я живу полной и творческой жизнью...

Звучало как издевка.

Небо горело над монахом. Ирисы и тюльпаны цвели по склонам. Выше росли сосны, скрученные так, словно кто-то вволю посмеялся над ними. В пятнадцати шагах от Кэннэ каменными статуями замерли телохранители. Все они приняли постриг и провозгласили обеты, отказавшись от мира. Все дали клятву служить наставникам, иметь сострадательное сознание, никого не убивать и совершать десять благих деяний. Все были вооружены до зубов: мечи, копья, луки и стрелы. Доспехи, надетые поверх рясы, превращали людей в великанов. Мало кто брил голову, соблюдая монашеские правила. Перевитые синими жилами руки телохранителей бугрились от мышц. Глаза зорко следили за окрестностями: не крадется ли враг?

Следуя за Кэннэ, телохранители сражались в битвах чаще, чем в те годы, когда они были простыми самураями. Служение такому наставнику плохо уживалось с обещанием никого не убивать. Сострадательное сознание не отменяло святого долга рубить головы направо и налево. Кто-то замыслил недоброе в отношении настоятеля монастыря, которого нет? Смерть негодяю!

Кого нет, подумал Кэннэ, монастыря? Меня?!

— ...я живу полной и творческой жизнью...

Он не хотел такой судьбы. Да что там! Маленький Коса бегал взапуски со сверстниками и проказничал,

таская еду из монастырской кухни, когда скончался его уважаемый отец. Вскоре гонец доставил в обитель императорский указ, не оставлявший места спорам или сомнениям. Власть над великим Хонган-дзи передавалась юному наследнику патриарха, сменившему мирское имя Коса на монашеское — Кэннэ. Фактически вместе с монастырем и титулом главы Истинной Школы Чистой Земли к мальчику отошло и управление провинцией Кага, о чем Кэннэ узнал позже. Рясу нового настоятеля украсили личные гербы с цветком драконова дерева, — дальний родственник божественного *микадо*, Кэннэ имел право использовать в гербе знак императорской семьи.

В одиннадцать лет он стал одиннадцатым главой школы. Знамение? Случайность? Насмешка судьбы?! Время, подумал монах. Вечно голодное время, как ты безжалостно!

Где тот мальчик?

— О будда Амида, пусть твои поучения направляют меня в течение дня, руководят моими отношениями, работой и отдыхом...

Десять лет великий Хонган-дзи в Исияме сопротивлялся демону-повелителю Шестого неба. Десять лет побед и поражений, клятв и измен. Кэннэ не было в стенах обители, когда кольцо осады сомкнулось вокруг святой крепости. Он метался по провинции Кии, от одного князя к другому, стирал язык до корней, пытаясь найти союзников, — просил, грозил, обещал. В монастыре, верен традиции, он оставил сына, передав тому руководство осажденным Хонган-дзи. И тут судьба, будто пьяный сказитель, повторила свою давнюю шутку — в монастырь прибыл гонец императора. Божественный микадо требовал немедленной капитуляции. Защитникам вменялось в обязанность покинуть Хонган-дзи, за что им даровалась жизнь, прощение и возврат иных храмов, захваченных во время войны.

— Славься, будда Амида!

Сын Кэннэ подчинился. Отец бы еще мог сопротивляться, отец славился крутым нравом, а сын не рискнул. Обитатели Хонган-дзи ждали, что их заклятый недруг, Демон-повелитель Шестого неба, поступит так, как уже бывало не раз, — презрев волю императора, проявит коварство и вырежет подчистую всех монахов-воинов, едва те окажутся вне крепостных стен. Но нет, демон внезапно явил милосердие, в точности выполнив условия договора. Впрочем, как только монахи покинули Хонган-дзи, монастырь загорелся, подожженный с четырех концов. Огонь достигал облаков, дым скрыл ужасное зрелище от взглядов. Вскоре на месте святой крепости чернела гора пепла.

Одни говорили, что это была месть демона. Другие — что такова воля богов. Третьи кивали на нелепое стечение обстоятельств. Но Кэннэ знал доподлинно: монастырь сжег его сын, не желая, чтобы грозные укрепления достались врагу.

В сыне все-таки было много от отца.

— О будда Амида! Если в моей стране после обретения мною состояния будды останется место для ада, царств голодных духов и животных, пусть я не достигну высшего просветления!

Эпоха Тэнсё, думал монах, оглядевшись вокруг. Девятый год эпохи. Девиз правления: «Небесная справедливость». Какая тонкая ирония! Куда честней иное название: Сэнгоку Дзидай, «Эпоха воюющих провинций».

Если коротко, резня.

Он прислушался. Под соснами, в отдалении, чтобы не мешать Кэннэ предаваться размышлениям, но и не так далеко, чтобы звук не смог долететь до настоятеля, звучала музыка. Два трехструнных, обтянутых кошачьей кожей сямисэна и бамбуковая флейта-сякухати. Кэннэ неизменно возил за собой трех слепцов, требуя, чтобы они играли, когда он уединяется, — насколько уединение вообще было возможно для погрязшего в заботах

настоятеля воинственного Хонган-дзи. Случалось, он подзывал их, веля сесть за спиной, или гнал прочь, но даже в этом случае музыканты находились поблизости. Знали: господин скоро позовет их опять. Без музыки Кэннё выгорел бы изнутри, но вот уже больше года и музыка не помогала.

— Если в моей стране после обретения мною состояния будды останется место для ада...

Место для ада оставалось всегда.

Эпоха воюющих провинций? Ха! Что там провинции! Школы буддизма воевали ничуть не реже. Это над кузнечиком следует трепетать и сворачивать с дорожки в кусты, чтобы ни в коем случае не раздавить насекомое. В случае же конфликта людей и идей не грех прибегнуть и к мечу, и к злому слову. Школа Чистой Земли — западного рая будды Амиды — утверждала, что спасется тот, кто днем и ночью славит милосердного Амиду. Истинная Школа Чистой Земли, к которой принадлежал Кэннё, одобряла регулярное восхваление будды, но отдавала предпочтение доверию и душевному устремлению, без которых слова — пустое сотрясение воздуха. Просто Школа криком кричала, наставляя всех и каждого: добрые дела — путь в рай. Истинная Школа возражала: добрые дела? Кто из нас, грешников, отличит добро от зла? Была бы вера крепка, тогда и деяния станут чище первого снега.

Вера, думал монах. Добрые дела. Восхваление будды. Стремление души. Как верить, если вороны каркают над руинами? Что делать, если кругом ад? Куда стремиться, если надежда утрачена? Играйте, слепцы! Я слеп больше вашего. Дыши, флейта. Всякое дыхание рано или поздно оборвется. Плачьте, сямисэны. Нет для нас Чистой Земли — ни при жизни, ни после смерти.

— Если в момент смерти сознание человека не будет колебаться, он обретет рождение в Стране Высшей Радости...

Кэннэ обнажил меч.

Короткий, длиной в локоть, меч был его величайшей драгоценностью, дороже всего, что принадлежало настоятелю. Плоский, без ребра жесткости, узорчатый по лезвию клинок выковал прославленный оружейник Сэндзи Мурамаса из провинции Исэ — тот, чьи мечи не могли вернуться в ножны, не пролив чью-то кровь. Все, от мала до велика, знали историю о заочном споре Мурамасы с давно почившим соперником — Окадзаки Масамунэ, величайшим кузнецом прошлого, ушедшим из жизни более пяти веков назад. Ревнуя к славе мертвеца, Мурамаса воткнул в ручей два меча, свой и работы конкурента. Дальнейшее превратилось в легенду: бег воды, мечи торчат из илистого дна, и осенние листья, плывя по течению, в страхе огибают лезвие Масамунэ — или гибнут, распавшись надвое, после встречи с лезвием Мурамасы.

Для монаха итог спора был очевиден. Да, милосердие — алмазная добродетель. Но уцелевшие листья опасны. Они способны вернуться с армией себе подобных. Умирая под шевелящейся грудой листвы, ты пожалеешь, что пренебрег одним-единственным жалким листом.

— Ты победил, демон. Будь проклят — и прощай.

Кэннэ распахнул одежды. Повернул голову, собираясь позвать телохранителя. Вспороть себе живот, уходя с достоинством, — полдела. Важно, чтобы человек, которому ты доверяешь, одним ударом отсек тебе голову, избавив от мучений. Любой из телохранителей мог отсечь голову одним ударом, любому Кэннэ доверял, как самому себе, и сейчас он колебался, не зная, кого выбрать.

Ветер коснулся бритой макушки. Взъерошил волосы, которых не было. С остротой чувств, казалось давно утраченной, Кэннэ ощутил этот ветер, ласковый, как ладонь матери. Ясней ясного он вспомнил себя — ребен-

ка, чьи кудри не знали бритвы, а плечи не согнуло бремя власти. Неземное спокойствие снизошло на монаха. Я умираю, понял он. Мне не нужно для этого вспарывать себе живот. Не нужно просить телохранителя взмахнуть мечом. Да, я умираю, и мне даровано чудо.

Вот он, будда Амида. Я вижу его.

Он пришел забрать меня в рай.

Небо горело над монахом. Качаясь на волнах закатного огня, над горой висел гигантский лотос. Расположенные в два ряда лепестки загибались вверх и вниз. Под ветром они шевелились, словно щупальца медузы в морской воде. На лотосе восседал милосердный Амида, сложив руки для медитации. Тело будды было красней рубина, лишь макушка светилась белизной горной вершины, да сердце пульсировало ярко-синим сгустком между ребрами. Лишенная украшений, подобно рясе скромного инока, одежда цвета солнца развевалась на ветру, но сам Амида оставался недвижим. Чаша для подаяния, полная эликсира бессмертия, висела над ладонями будды. Ни капли не проливалось из нее при самом быстром движении лотоса.

Рот Амиды приоткрылся, символизируя постоянство наставлений. Кэннэ прислушался, но до него не донеслось ни звука. Лишь музыка усилилась, заполняя пространство и останавливая время.

— Славься, будда Амида! — хотел воскликнуть монах.

И не смог.

«В предсмертный час, если помнишь о будде, удостоишься пришествия. И когда будда воссядет на лотосовом престоле, то развеет слепоту твоей памяти. Так не надо же сомневаться в предначертанном возрождении!»

Забыв, что держит меч, Кэннэ протянул к будде левую свободную руку — и порезался. Гроздью спелых ягод кровь упала на траву. Кэннэ не заметил этого, не

— Ты победил, демон. Будь проклят — и прощай.

почувствовал боли, потому что во взгляде Амида мелькнула боль стократ сильнейшая, какую не узнать смертным.

Она была как молния, эта боль.

— Три тысячи, — сказал Амида.

Голос его был подобен грому, но гром этот звучал лишь в сердце беглого настоятеля. Вряд ли кто-нибудь в мире, кроме Кэннэ, слышал речь милосердного.

— Двадцать тысяч. Двенадцать тысяч.

На глазах будды блестели слезы. Сямисэны и флейта превращали сказанное им в декламирование священных сутр под плач струн и рыдание бамбука. Кэннэ судорожно вспоминал, в каких сутрах говорится об этих тысячах. Три, двадцать, двенадцать? Три тысячи добродетелей? Двадцать тысяч благородных поступков? Двенадцать тысяч шагов к просветлению?!

Память отказывала.

— Энряку-дзи. Нагасима. Этидзэн, — напомнил Амида. — Развалины, руины, прах к праху. Сталь, огонь, ярость. Убиты, убиты, убиты. Как же так?

Это все демон, хотел оправдаться монах. Твой враг!

Хотел и не мог.

— Чистая Земля, — задумчиво произнес будда. — Мечтаете попасть в мой рай, да?

Мечтаем, выдохнул Кэннэ.

— Ты уверен?

О да, согласился монах. Миллион раз да!

— Убитые. Убийцы. Хорошо, будет вам рай.

Хорошо, улыбнулся монах. Будет нам рай.

— Солнце на закате, — сказал Амида.

— Солнце, — повторил Кэннэ.

— Текущая вода, блеск хрусталя.

— Вода. Хрусталь.

— Земля, деревья и пруды.

— Земля, деревья и пруды.

— Птицы на деревьях, звуки музыки.

— Птицы на деревьях. Музыка, да.

- Лотосы в прудах.
- Монах кивнул. О, лотосы!
- Мой неизмеримый свет.
- Твой неизмеримый свет.
- Ты, рожденный заново в Чистой Земле.
- Я, рожденный в Чистой Земле!

Кэннэ ждал, что сейчас отправится в рай согласно обещанному в сутрах. Сию же минуту! Но нет, все происходило совсем иначе. Он видел, как по слову будды рай опускается с небес на землю. Накрывает сияющим пологом реки, холмы, горы, поля, леса. Впитывается, будто вода в песок, в мир, окружавший Кэннэ. Небесная справедливость растворялась в эпохе воюющих провинций, замещая ее собой. Война продолжалась, но теперь в ней были не только ярость и месть, выгода и честолюбие. В ней была справедливость. Война еще не знала, во что она превратилась, а если бы знала, то содрогнулась бы от ужаса.

- Славься, будда Амида...

Небо горело над монахом. Вокруг монаха.

В сердце монаха.

Меч без возражений вернулся в ножны. Он уже испил крови, и злой дух из числа тех, кого оружейник Мураманаса заточал в свои клинки между слоями стали, был удовлетворен.

Настоятель великого Хонган-дзи в Исияме был уверен, что в этот миг он умер. Он ошибся. Миг прошел и сгинул, настал другой, третий, десятый, а Кэннэ оставался в живых. Он проживет еще десять бурных, десять умопомрачительных лет. Будет опала, будет и почет, монастырь восстанет из пепла в новом месте — и Кэннэ вдоволь успеет насмотреться на то, как осуществляется небесная справедливость и чем она отличается от земной.

- О да, рай здесь. Вот она, Чистая Земля.
- Стремиться больше некуда.

* * *

В этой стране семь уровней террас, семь рядов деревьев, пруды с чистой водой и разноцветными лотосами. Все украшено золотом, серебром и драгоценными камнями. С неба шесть раз в сутки идет дождь из цветов. Жители утром собирают цветы и подносят их бесчисленным буддам, а потом возвращаются к своим обиталищам: трапезничают, прогуливаются, слушают пение чудесных птиц, помня об учении и общине.

**ПОВЕСТЬ
О МЕРТВОЙ СТАРУХЕ
И ЖИВОМ САМУРАЕ**

Карп, напрягая все силы, поднимается вверх по течению, проходит Драконьи Врата — и становится драконом. Дракон парит в небесах и спускается в морские глубины. Отчего же мне, недостойному монаху, кажется, что дракон ищет новый путь, ведущий против течения, новые врата — чтобы войти в них и опять стать карпом?

Содзю Иссэн из храма Вакаикуса. Записки на облаках

Глава первая

ПОДАРОК БУДДЫ

1

«Это конец. Конец всему...»

Хоронили бабушку Мизуки.

Носильщики стоили денег, а с этим в нашей семье дела обстояли хуже некуда. Погребальные носилки тащили сын и внук покойной: Хидео, стражник почтовой станции на выезде из Акаямы, и я, Рэйдэн, его первенец, — оба в черных кимоно с семейными гербами. К счастью, если уместно говорить о счастье в минуты скорби, весной я справил праздник совершеннолетия, отметив свой пятнадцатый день рождения. В противном случае хочешь не хочешь, а пришлось бы раскошелиться на носильщиков — или просить соседей о помощи.

Впереди траурной процессии брел монах Иссэн, старый настоятель храма Вакаикуса. Лицо его, казалось, было вырезано из коры древней криптомерии. Неподвижность морщинистой маски нарушали только губы — они слабо шевелились, читая священные сутры.

Бабушка Мизуки лежала в гробу, сбитом соседом-плотником из сосновых досок. Верней, не лежала, а полусидела, — размещая тело в тесном гробу, больше похожем на ящик, колени бабушки согнули, блюдя традицию, а под спину подложили тюфячок, набитый соломой. Усопшая слегка покачивалась в такт движению. На небо набежали тучи, превратив день в вечер. Вся в белом, с лицом, покрытым густым слоем рисовой пудры, покойница светилась в подступающей мгле. Бродячий певец сказал бы, что бабушка хочет в последний раз оправ-

дать свое имя — Красивая Луна, — прежде чем пройти через огонь к лучшему рождению. Отец мой не сказал ничего, просто запретил заколачивать гроб крышкой. Уговаривали: встал стеной, закрыл гроб собой.

Махнул рукой: так понесем.

Наверное, хотел, чтобы бабушка попрощалась с миром, который покидает. Она давным-давно не выходила из дома, заперта болезнью в четырех стенах, как в тюрьме. Пусть хоть теперь прогуляется напоследок.

— Убогое, слабое человечье тело — наш провожатый в поисках просветления...

Настоятель Иссэн возвысил голос:

— Поэтому есть чему радоваться — что родились среди людей...

Следовало торопиться, пока ворота не закрыли на ночь. Смерть — дело нечистое. С ней надо покончить быстрее, совершить все обряды, пока злые духи не слетелись в дом, привлеченные запахом мертвечины. Отложить до завтра? Об этом мой отец, удрученный потерей матери, и думать не хотел. Бледный, угрюмый, с лихорадочно блестящими глазами, он сидел на крыльце и курил трубку. Если спрашивали — отвечал невпопад или просто молчал, прикусив губу.

Я понимал, каково ему, и не жаловался, хотя все хлопоты по устройству похорон легли на меня. Утром я договорился с настоятелем Иссэном, встретив монаха на базаре: он покупал просо и овощи, пока его послушники ходили между рядами с мисками для подаяния. Потом я бегал в городскую канцелярию — подавал прошение властям. Видя слезы на моих глазах, меня пустили к чиновнику без очереди. Я ждал разбирательства и проволóчек, но чиновник спешил в ближайшую харчевню. В животе у него бурчало, а все мысли сводились к хорошей порции лапши с креветками, — короче, вопреки моим страхам все завершилось благополучно, а главное, быстро. Семья получила разрешение на похороны в Ва-

каикўсе, нас пустили бы обратно в город, даже вернись мы к полуночи. Но я понимал, что лучше не искушать судьбу. Сам стражник, мой отец хорошо знал повадки сослуживцев. Запрут ворота на засов, напьются дешевого саке, захрапят, поди потом дозовись лентяев из караулки...

Взятку станут требовать, мздоимцы.

Дорога свернула направо, пошла в гору. По обочинам, нависая над процессией, росли клены и дубы. Время от времени по склонам катились камни, шурша и постукивая. В такт маленьким лавинам шаркали и стучали пятками оземь ноги мужчин, обутых в соломенные сандалии.

— Если в момент смерти сознание человека не будет колебаться, то обретет он рождение в Стране Высшей Радости...

У меня болели плечи. Но сердце болело куда больше. Я корил себя за дурные мысли и дурные чувства. Любил ли я бабушку? Разумеется. Скорбел о ее кончине? Вне сомнений. Но и скорбь, и гадкая радость, которую я не мог изгнать из головы, как ни старался, выходили неуместными, гнусными, подлыми. В знак траура я перестал брить макушку и распустил волосы, чем был немало огорчен. Я так и не успел привыкнуть к новому статусу. Каждый день, проходя мимо пруда или тайком беря материнское зеркальце, я с удовольствием любовался своей замечательной взрослой прической. Где ты сейчас, красивый узел волос на темени?! Одни лохмы висят.

И макушка заросла неопрятной щетиной.

Горевать следовало о бабушке, а не о прическе. А уж радоваться не следовало вообще. Тем не менее, вспоминая, как отец все свободное от службы время проводил у постели матери, как Хидео, почтительный сын, самурай низкого ранга с нищенским жалованьем в два-

дцать *коку*¹ риса, тратил последние деньги на лекарства для больной родительницы, как он плакал ночами, закусив рукав и думая, что его никто не слышит...

Надрываясь под тяжестью погребальных носилок, я искренне считал, что для нашего семейства здоровая бабушка была гораздо лучше больной, а мертвая бабушка стала гораздо лучше живой. Я бы вспорол себе живот за такие отвратительные мысли. Но делать этого не стоило: самоубийство сына могло бы свести в гроб отца, а мать лишило бы рассудка.

— Хидео-сан!

Сам не знаю, зачем я окликнул отца. Он шел первым и все равно не смог бы обернуться — с носилками-то на плечах! Он и не обернулся, не откликнулся. Продолжал идти мелкой семенящей поступью: должно быть, у него болели колени. У отца часто болели суставы к дождю.

Не слышит, понял я.

В просвете между деревьями мелькнула трехъярусная крыша храма. Красная, с карнизами, украшенными позолотой, она ярко выделялась на фоне темной зелени. Настоятель Иссэн возвысил голос, изредка срываясь на кашель. Послушники застучали молитвенными трещотками. Ощувив прилив сил, я ускорил шаг. Скоро все закончится. Бабушка упокоится с миром, а злые духи улетят прочь — и перестанут нашептывать разные гнусности.

Вот и храм.

Про Вакаикусу говорили, что храм воздвигли на том самом месте, где сто лет назад знаменитому Хонган-дзи Кэннэ явился будда Амида. С этого места — и с этого часа! — Страна восходящего солнца начала свое пре-

¹ *Коку* — около 180,39 литра. В пересчете на вес в одном коку содержится примерно 150 кг риса. Это усредненная годовая норма потребления риса одним человеком. Жалованье чиновников, служащих и военных исчислялось в коку риса (реже в деньгах).

вращение в Чистую Землю, изменив судьбы людей, живущих здесь, до неузнаваемости. Красный цвет храмовой крыши символизировал цвет тела будды Амиды, а также капли крови, пролитые Кэннё на траву, когда он порезал руку мечом. Сам же храм красили в зеленый цвет, оправдывая название: «Вакаикуса» значило «молодая трава».

Посвящен храм был милосердной Каннон, спутнице будды Амиды.

При ближайшем рассмотрении становилось заметно, что мало кто балует Вакаикусу щедрыми подношениями. Столбы ворот облупились, пошли трещинами, а воротная крыша грозила обрушиться на головы паломников в любой момент. Позолота храмовых карнизов большей частью осыпалась, красную краску подновляли редко: на общем, потускневшем с годами фоне выделялись яркие багровые пятна.

Процессия вошла в ворота.

— Туда, — указал рукой старый настоятель.

Стараясь не кряхтеть, мы с отцом установили носилки — так, чтобы бабушка Мизуки лежала головой на север. Послушники оставили трещотки в покое и кинулись обкладывать гроб вязанками сухого хвороста. Настоятель Иссэн присел на крыльце храма, давая отдых усталым распухшим ногам. Сидел он недолго, — приняв у отца священные предметы, старик уложил нож на грудь покойной, дабы злые духи боялись приблизиться к телу, а сандалии и горсть медаков — рядом с бабушкой, чтобы ей было в чем добраться до священной реки Сандзу и чем заплатить за перевоз.

— Алтарь, — хмурясь, напомнил Иссэн.

Бегом кинувшись в храм, послушники вернулись с маленьким переносным алтарем. Настоятель возжег благовонные курения, наполнил мисочки рисом, водой и солью, после чего опять принялся бормотать сутры.

Олди Генри Лайон

О 53 Карп и дракон. Книга 1. Повести о карме : роман в повестях / Генри Лайон Олди. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 416 с. : ил. — (Азбука-фэнтези).

ISBN 978-5-389-17578-5

В Японии царит Эпоха Воюющих Провинций. Все сражаются со всеми, горят крепости и монастыри, вороны пируют на полях боев. Монах-воин Кэннё, настоятель обители Хонган-дзи, не может больше видеть этот ужас. Он просит будду Амиду сделать что-нибудь, что прекратило бы кровопролитие, и милосердный будда является монаху. Дар будды изменит всю дальнейшую историю окрестных земель, превратив Страну восходящего солнца в Чистую Землю.

Вскоре правительство Чистой Земли учредит службу Карпа-и-Дракона, в обязанности которой войдут разбирательства по особым делам, связанным с даром будды. А через сто лет после молитвы Кэннё у юного самурая из Акаямы умирает один из ближайших родственников, и эта смерть кладет начало удивительным событиям, достойным лечь в имперский архив.

УДК 821.161.2

ББК 84(4Укр)-445

Литературно-художественное издание

ГЕНРИ ЛАЙОН ОЛДИ
КАРП И ДРАКОН
Книга 1. Повести о карме

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Елена Терскова, Валерий Камендо
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 13.11.2019. Формат издания 84 × 108^{1/32}.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 20,16. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Авторский интернет-магазин «Мир Олди»:
<http://www.oldieworld.com>

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-FAF-26119-01-R